

Первый советский политический процесс: графиня Софья Панина перед Петроградским Революционным Трибуналом

Арест графини Паниной. «Новая петроградская газета». 12 декабря 1917 г.
Рисунок

© «Новая петроградская газета»

Вожди большевиков имели все основания надеяться, что их первый политический судебный процесс увенчается успехом. Подсудимая – богатая аристократка, член Центрального Комитета Конституционно-Демократической (кадетской) партии, товарищ министра Временного правительства – была объявлена вне закона. Выдвинутое против нее недвусмысленное обвинение – сокрытие и присвоение правительственных фондов, находившихся в распоряжении бывшего Министерства народного просвещения, – должно было наглядно продемонстрировать моральное банкротство либеральных лидеров и способствовать дальнейшей дискредитации прежнего правительства в целом. Другая цель, которую преследовали большевики, сделав процесс открытым, – опробовать новый инструмент революционного правосудия – Революционный Трибунал Петроградского Совета, созданный в конце ноября 1917 года и составленный, явно в подражание французским революционным судам, из простых солдат и рабочих. Согласно планам большевиков, обвинительный приговор, вынесенный графине Софье Паниной, должен был убедить мир в безукоризненности их представлений о морали и справедливости, а заодно доказать законность их правления...

Однако судебное разбирательство, имевшее место 10 декабря 1917 года, – спустя лишь несколько недель после октябрьского переворота, еще не было безупречно отрететированным театральным действием; скорее, его можно считать первой попыткой большевиков сформулировать и представить миру собственное видение революционной справедливости...

Процесс Паниной во многих отношениях напоминает суд над Верой Засулич за покушение на убийство Петербургского генерал-губернатора в 1878 году. Его можно также назвать первым советским показательным процессом, за которым последовали более известные: дело руководителей Социалистической Революционной партии в 1922 году, Шахтинское дело 1928 года и, наконец, московские дела 1936–1938 годов. Занимая срединную позицию между процессами царского режима и советскими показательными судами, дело Паниной дает уникальную возможность увидеть революционную Россию в тот момент, когда силы созидания и разрушения в ней еще не поляризовались, но уже существовали как единое целое.

Почему Панина?

В 1917 году графиня Софья Владимировна Панина (1871–1956) была хорошо известна как среди образованной публики, так и среди самых демократических слоев населения Петрограда... Самым значительным ее достижением в этой области стал Лиговский Народный Дом (ЛНД). Она возглавляла и финансировала деятельность этого учреждения, созданного ею специально для обитателей рабочих окраин юга столицы. Неоднократно отмечалась роль, которую Народный Дом Паниной сыграл в процессе распространения грамотности и повышения общей культуры беднейших слоев петербургского населения. Он был хорошо известен и социалистам города как одно из немногих общественных мест, где могли беспрепятственно собираться рабочие. Наряду с детским садом, столовой, курсами грамотности и театром в ЛНД постоянно, и в особенности в дни революции 1905 года, действовали кружки социалистов. Дом даже сыграл небольшую, но символически важную роль в жизни Ленина: именно здесь 9 мая 1906 года будущий вождь мирового пролетариата впервые в России выступал перед значительной аудиторией.

Сама Панина старалась держаться в стороне от политики. До 1917 года она вспоминала: «Я никогда ни к какой политической партии не принадлежала, и интересы мои были сосредоточены на вопросах просвещения и общей культуры, которые, по моему глубокому мнению, одни могут дать прочную основу свободному политическому строю». Однако еще до 1914 года она оказалась связана с кадетской партией и либерализмом семейными узами (ее отчим, Иван Петрункевич, был основателем этой партии), через многочисленных знакомых среди интеллигенции и благодаря собственной вере в постепенный прогресс путем реформирования существующей системы. В годы войны она работала в Петроградской городской думе, где руководила распределением пособий солдатским семьям. Вероятно, именно эта деятельность, наряду с репутацией человека, всегда готового поддержать прогрессивное общественное начинание, и способствовала ее стремительной политической карьере, которая началась в дни февральской революции. 8 марта 1917 года Петроградская дума кооптировала Панину и еще нескольких выдающихся женщин в состав депутатов. В августе, когда состоялись очередные выборы в Думу, Панина была избрана официально. Ночью 25 октября, когда Красная Гвардия осаждала министров Временного правительства в Зимнем, именно Панину выдвинула дума в числе тех трех представителей, которые пытались убедить матросов крейсера «Аврора» не стрелять по дворцу.

В 1917 году деятельность Паниной выходит на общенациональный уровень. В начале мая она избирается в Центральный Комитет партии кадетов; в том же месяце становится единственной женщиной-членом кабинета министров Временного правительства: после создания первого в российской истории Министерства государственного призрения Панина назначается товарищем министра. В конце июля созывается новый коалиционный кабинет, и она становится товарищем министра народного просвещения, обязанности которого исполнял С.Ф.Ольденбург. И, наконец, осенью Панина баллотируется, хотя и неудачно, в Учредительное Собрание в качестве кандидата от кадетской партии.

...Деятельность Паниной за 1917 год подняла ее до таких политических высот, которых редко достигали русские женщины. Она стала первой в России, да и за границей женщиной-министром. Однако до Октябрьской революции ее работа ограничивалась распределением пособий для семей солдат, государственной благотворительностью и образованием. В те месяцы, что последовали за большевистским переворотом, активность Паниной претерпела резкое изменение, включая участие в попытках членов Временного правительства противостоять большевикам, которые последние именовали «саботажем». В ночь переворота, с 25 на 26 октября, члены кадетской партии министры Александр Коновалов и Николай Кишкин издали приказ, вменявший всем государственным служащим в обязанность скрывать от Советов финансы и официальные документы. Вскоре, когда почти все министры Временного правительства оказались под арестом, входившие в Малый совет заместители впервые собрались в доме Паниной и приняли решение исполнить приказ, переведя министерские фонды в зарубежные банки. Примерно в то же самое время была одобрена забастовка гражданских служащих. Именно эти действия и составили основу гражданского сопротивления, с которым столкнулись Советы в первые месяцы после своего прихода к власти.

15 ноября действующий заместитель министра Панина отдала служащим Министерства народного просвещения приказ собрать

все находящиеся в распоряжении министерства денежные средства – наличность, боны и другие ценные бумаги, всего около 93 000 рублей – и перевести их на счета двух государственных чиновников, которые впоследствии должны будут вложить их в банки согласно ее инструкциям.

Почти сразу после приказа в министерство прибыл назначенный большевиками Исаак Рогальский (видимо, в качестве заместителя комиссара образования), в задачу которого входило преобразование бывшего Министерства в Комиссариат просвещения, и столкнулся с пассивным сопротивлением служащих и нехваткой 93 000 рублей в казне.

Рогальский представил обвинение против Паниной в Следственную комиссию Революционного Трибунала Петроградского Совета, созданного в соответствии с первым большевистским декретом о судах от 24 ноября. В докладе, сделанном Следственной комиссией Революционному Трибуналу, действия Паниной по изъятию “народных денег” из бывшего министерства и укрывательство их квалифицируются как “преступный саботаж” против Советской власти, “расстраивающий государственный аппарат вообще и Народного Комиссариата (sic) по просвещению в частности”. Комиссия выдала ордер на арест Паниной.

Арест графини представляется мерой не только неизбежной, но и несколько запоздалой. Весь ноябрь Советское правительство вело усиленную борьбу с теми самыми группировками, к которым Панина принадлежала. 10 ноября был официально ликвидирован Комитет спасения Родины и Революции, а 20 ноября Совнарком издал декрет об аресте всех членов Малого совета. Приказом Совнаркома от 16 ноября была распущена Петроградская дума, а два дня спустя арестованы ее лидеры. Членство Паниной во всех этих антибольшевистских группировках, включая Центральный Комитет кадетской партии, а также ее участие в бойкоте гражданских служащих поставило ее в один ряд с наиболее очевидными противниками большевистского режима из либерального лагеря.

.. Большевику, посланному провести обыск в доме Паниной и арестовать хозяйку, крупно повезло. Накануне там проходило собрание Центрального Комитета партии кадетов, которое закончилось в час пополудни. Ф.Ф.Кокошкин и А.И.Шингарев, руководители партии, бывшие члены Временного правительства, избранные в Учредительное Собрание, остались в доме графини на ночь, а утром попали в руки большевиков. В доме оставили засаду, в которую чуть позже попал князь П.Д.Долгоруков. Таким образом, уже к полудню 28 ноября советские лидеры задержали четырех крупнейших представителей Конституционно-Демократической партии, планировавших участвовать в демонстрации в поддержку Учредительного Собрания, которая должна была состояться в тот же день

Однако неожиданный арест троих мужчин причинил немало головной боли советским следователям. Пользуясь правом неприкосновенности в качестве избранных делегатов Учредительного Собрания, кадетские лидеры указывали на то, что для их задержания нет ни малейшего основания. Они отрицали причастность их партии и к деятельности казачьих генералов Дутова и Каледина, подозревавшихся в организации антибольшевистских сил на Урале и Дону, и к действиям Паниной, изъявшей 93 000 рублей из казны Министерства просвещения. В конце концов, на помощь следователям пришел Совнарком и разрешил проблему, ex post facto придумав основания для ареста троих. В 10.30 вечера был издан знаменитый декрет за подписями Ленина, Троцкого и других членов Совнаркома, коротко и ясно сообщавший: “Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов”. Долгоруков, Кокошкин и Шингарев были отправлены в Петропавловскую крепость.

С обвинением против Паниной, изначально намеченной жертвы большевиков, а также с основаниями для ее ареста все было куда проще. На допросе, который состоялся поздно ночью в Смольном, она призналась, что подписала приказ об изъятии 93 000 рублей из министерства, но наотрез отказалась сообщить, куда были отправлены эти деньги: “Сочту своей обязанностью представить отчет о всей деятельности и о сумме единственно Учредительному Собранию, как единственной законной власти. От всяких разъяснений Комиссарам или Следственной комиссии я отказываюсь”. Возможно, открой Панина тайну денег, и Следственная комиссия отпустила бы ее на свободу. Однако своим отказом графиня недвусмысленно дала понять, что считает незаконной как саму комиссию, так и создавший ее новый режим. Поэтому был издан приказ о содержании строптивой женщины под арестом вплоть до суда Революционного Трибунала. Узницу отправили в Выборгскую женскую тюрьму Петрограда.

...Ее арест совпал с двумя важными шагами, предпринятыми Советской властью именно 28 ноября: отменой Учредительного Собрания (точнее, перенесением даты его открытия на 5 января, когда было объявлено о его окончательном роспуске) и новым декретом, объявлявшим Конституционно-Демократическую партию вне закона. События эти, в свою очередь, придали аресту Паниной новое значение, переведя ее из разряда гражданских служащих, сопротивляющихся новому режиму, в ранг политических оппонентов, с которыми большевики боролись силовыми методами.

Известие об аресте Паниной и заключении ее в тюрьму вызвало в Петрограде волну негодования. Повсюду проходили собрания общественных организаций, женских ассоциаций и рабочих кружков, на которых люди выражали свое возмущение произволом большевиков. Газеты буквально забросали письмами протеста и солидарности с заключенной. Вот доводы в защиту Паниной, которые приводят авторы практически каждого из этих посланий: ее вклад в дело народного образования и культурного развития, ее самоотверженность и другие моральные качества, ее действия в защиту свободы и справедливости в царские времена – и горькая ирония в определении ее как “врага народа”.

... Многочисленные протесты, по-видимому, заставили власти задуматься о целесообразности публичного суда над столь популярной личностью. Так, 5 декабря один из членов назначенной Советами Следственной комиссии, матрос по фамилии Алексеевский, предложил Паниной сделку: она выплачивает залог в сумме 180 000 рублей, и ее отпускают из-под стражи. Она отказалась и, по свидетельству одного источника, “насмешливо” ответила: “Вы хотите получить вдвое больше, чем мною было взято из кассы министерства для сохранения?”

Выбор Паниной в качестве обвиняемой первого советского политического процесса был странным и во многих отношениях неудачным. Ни один из сохранившихся документов не подтверждает ее значительной роли в тех подпольных организациях, к которым она принадлежала. Не совершала она и из ряда вон выходящих поступков, представляющих значительную угрозу для Советской власти. Другие крупные чиновники Временного правительства также поддерживали бойкот новой власти и принимали участие в акциях сопротивления, а иные кадетские лидеры имели гораздо больше влияния, необходимого для организации эффективной оппозиции. Более того, в почти исключительно мужском мире российской политики принадлежность Паниной к так называемому “слабому” полу делала ее наименее вероятной мишенью для большевиков, на что и намекали авторы многих писем протеста.

Есть, однако, и другие обстоятельства, которые объясняют выбор Паниной в качестве первой жертвы. Прежде всего, обвинение против нее казалось вполне очевидным, а исход дела не вызывал сомнений. Как царское правительство планировало добиться осуждения Веры Засулич в 1878 году на основании показаний многочисленных свидетелей, находившихся в комнате в тот момент, когда она стреляла в генерала Трепова, так и большевики считали подписанный Паниной приказ об изъятии денег из кассы министерства прямым доказательством ее “преступления”. Только безоговорочное доказательство вины подсудимой могло оправдать в глазах возмущенной публики заключение ее под стражу, которое до сих пор выглядело как арест безжалостными комиссарами ни в чем не повинной слабой женщины. Кроме того, осуждение Паниной могло способствовать обоснованию

необходимости издания декрета от 28 ноября, объявлявшего вне закона кадетскую партию, документа, который вызвал сильнейшее негодование среди социалистов меньшевистского толка. Категорический отказ Паниной от любых форм сотрудничества или компромисса с Советами, вероятно, только утвердил последних в намерении поставить ее перед судом. Успешный процесс со столь знаменитой подсудимой в главной роли неизбежно должен был привлечь внимание общественности к трибуналам и новым принципам революционной справедливости, которые они представляли.

И, наконец, Панина олицетворяла собой все то, против чего боролась Революция: титулованную аристократию, богатство, предписываемую положением в обществе филантропию, буржуазный либерализм. Публичный суд над богатой графиней по обвинению в присвоении “народных денег”, должно быть, казался новому режиму, который объявил себя защитником угнетенных и врагом всякого рода эксплуататоров, выигрышной пропагандистской возможностью.

Процесс

Суд, назначенный на 10 декабря, привлек всеобщее внимание. В столице и за ее пределами о нем писали газеты самых разных политических направлений и ориентации, не оставила событие в Петрограде без внимания и зарубежная пресса, в частности “Нью-Йорк Таймс”. Свидетели и участники процесса, в том числе сама Панина, Я.Я.Гуревич, работник образования и друг, которого она попросила выступить в роли защитника, а также известные корреспонденты Джон Рид и Луиза Брайант, вели записи происходящего. Учитывая накаленную политическую обстановку, в которой происходило заседание, неудивительно, что все источники, включая и неопубликованные протоколы суда, грешат ошибками и неточностями, порожденными предубеждением. Тем не менее сопоставление разных точек зрения дает возможность довольно точно воссоздать драму, которая разыгралась 10 декабря 1917 года в Петрограде.

... Революционный Трибунал составляли семеро мужчин: двое солдат и пятеро рабочих с разных заводов Петрограда, в том числе и председатель, Иван Жуков. Шестеро из семи были членами большевистской партии. Их внешний облик точно призван был сгладить бросающийся в глаза контраст между буржуа и пролетариями в публике, а также между либеральным и революционным представлениями о правосудии. Жуков открыл заседание, выступив с краткой речью. Путая революции 1848 и 1789 годов, он провозгласил “Революционные трибуналы”, созданные “69 лет тому назад” во Франции, прообразом русского революционного правосудия. Жуков предупредил, что, подобно своим французским предшественникам, русский Трибунал “будет строго судить всех тех, кто пойдет против воли народа, кто будет мешать ему на его пути”, но “невиновные пред волей революционного народа найдут в Революционном Трибунале наиболее надежного защитника”.

Затем в зал вошла Панина в сопровождении конвоиров, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками... Зрители, демонстративно сидевшие, когда в зал вошли члены Революционного Трибунала, при появлении Паниной встали и приветствовали ее криками и аплодисментами. Таким образом, антибольшевистские настроения, преобладавшие в публике, стали очевидны с самого начала.

Несмотря на то что Трибунал представлял революционное правосудие, вся процедура сочетала юридические новшества с общепринятыми условностями. Сначала Жуков зачитал доклад Следственной комиссии и предъявленное Паниной обвинение в саботаже, затем представил суду документы (но ни единого свидетеля), подтверждавшие ее преступление, включая и подписанный ею самой приказ служащим министерства от 15 ноября. После этого он спросил: “Гражданка Панина, признаете ли вы себя виновной в том, что изъяли из кассы бывшего Министерства народного просвещения и сокрыли не принадлежащие вам 93 000 рублей?” – “Нет, виновной я себя не признаю”, – отвечала Панина. Следом, вместо того чтобы вызвать официального прокурора, Жуков, подражая судьям французской революции, обратился к залу: “Слово предоставляется обвинителю. Есть ли таковой?” Такового не нашлось.

В отсутствие прокурора, официального или какого-либо еще, Жуков предоставил слово защитнику Гуревичу. Взывая к судьям не как к юристам, но как к обычным гражданам, таким же, как он сам, Гуревич попытался убедить Трибунал в том, что осудить Панину невозможно – ни по официальным законам, потому что в настоящее время, “в разгаре политической борьбы”, таковых в России просто нет; ни по закону совести, поскольку заслуги подзащитной перед народом общеизвестны и весьма значительны. “Вы можете судить ее только как партийные противники, но тогда это не суд, а продолжение гражданской войны”, – настаивал он.

Именно в речи защитника впервые прозвучал аргумент, который впоследствии станет определяющим в разных оценках действий Паниной и их мотивов: происхождение тех средств, в присвоении которых ее обвиняли, и результат ее поступка. Он уточнил, что средства, изначально названные принадлежащими министерству наличными и ценными бумагами, на самом деле являлись пожертвованиями, сделанными в фонд министерства на благотворительные нужды. Таким образом, изъятие Паниной этих денег никак не могло поставить под угрозу работу министерства. В заключение защитник напомнил судьям, что на них смотрит весь мир: “Но нельзя перед всем миром, от имени народа, платить злом за добро и за любовь – насилием. Не совершайте же насилия от имени русского народа к стыду его перед всем миром”.

... Затем Жуков дал слово человеку из публики, который представился как Н.И.Иванов, фабричный рабочий по роду занятий и эсер по политическим убеждениям. Он произнес страстную речь в защиту Паниной, которая еще в годы царского режима, не жалея сил, трудилась ради повышения образовательного и культурного уровня простого народа. Эта графиня, не убоившись “народного пота и дыма”, лично проводила с ними занятия, “зажигала в рабочих массах святой огонь знания”. Подчеркивая ее материнскую преданность и любовь к простым людям, он сообщил суду, что рабочие нашли в ЛНД “свет и радость”, а их дети встречали там больше внимания и ласки, чем в собственных семьях. Такая женщина не может быть врагом народа, а лишь его верным другом. Русские люди не должны отплатить ей черной неблагодарностью. Как и Гуревич, Иванов подчеркнул, что процесс стал пробным камнем революции. Еще раз напомнив судьям о всенародной, точнее, международной известности Паниной и о том, что взгляды всего мира обращены сейчас к ним, рабочий обратился к суду с мольбой. “Не опозорьте себя, революцию, русский народ обвинительным приговором”.

Как вспоминала годы спустя сама Панина, выступление Иванова “произвело в зале эффект разорвавшейся бомбы и вызвало необыкновенное волнение среди судей”. Самые пламенные сторонники вряд ли смогли бы представить в защиту труда всей жизни Паниной доводы столь же красноречивые, как это безыскусное свидетельство простого рабочего. Приведенный в замешательство Жуков обратился к подсудимой с вопросом, согласна ли она вернуть деньги в течение двух дней. Та отказалась; деньги вложены в банк на имя министерства и будут выданы только полномочному представителю Учредительного Собрания. Тогда, в обход Крамарова, члена Всероссийского Совета, которому обещали дать выступить в защиту Паниной, слово предоставили другому рабочему, по фамилии Наумов.

Наумов горячо высказывался за осуждение Паниной. Несмотря на все свои добрые дела и “благородство”, она все же представляла класс, который угнетал и эксплуатировал русский народ. “Если есть такие, которые увидели свет в окошке Паниной, то миллионы этого света не видали... И было бы преступлением забывать об этом”. Подсудимую следует рассматривать не как отдельную личность, но как классового и партийного врага, она “вместе со всеми представителями своего класса участвовала в организованном противодействии народной власти, в этом ее преступление”. Побуждая заседающих в Трибунале “товарищей” не позволять поколебать свою решимость рассказами о прошлых деяниях Паниной, Наумов призвал их вынести справедливое

наказание всем тем, кто стремится отнять “право трудового народа на счастье... во имя миллионов угнетенных, я призываю вас действовать. Если на пути нашем стоит благородная личность, нам очень жаль, но хуже для нее”. По некоторым отчетам, речь Наумова несколько раз прерывали гневные выкрики из зала.

Затем Жуков предоставил слово Рогальскому “для фактического замечания”. Представитель Комиссариата по образованию выступил против подсудимой, обвинив ее в “хищении”. Его яростная атака была направлена скорее против обвиняемой лично, нежели против того класса, который она представляла. Рогальский сделал попытку обратить репутацию Паниной как личности, известной своей благотворительной деятельностью, против нее самой.

Его особое негодование вызвала характеристика Гуревичем поступка Паниной как безобидного, поскольку деньги, о которых шла речь, составляли благотворительный фонд. Напротив, утверждал он, присвоенная обвиняемой сумма состояла из невыплаченных зарплат работников министерства, призванных на фронт. Рогальский обвинил графиню, известную своим милосердием, в безжалостном отношении к представительницам своего пола и поставил ее в один ряд с угнетателями-мужчинами:

“Деньги, взятые Паниной, принадлежат Министерству, и большинство этих денег состоит из заработка служащих, военнообязанных, которым еще не заплачено. Жены и сами они, раненые, голодные, ежедневно приходят в Министерство и плачут, слезно молят о помощи, и им нечем платить, потому что какие-то господа позволяют себе забирать чужие деньги на хранение”.

Не обращала Панина никакого внимания и на нужды “несчастных учительниц, жизнь которых – сплошной подвиг и сплошное мучение”. Нет смысла дожидаться открытия Учредительного Собрания; “Голодные люди, которые теперь осаждают Министерство, хотят есть сегодня”.

Если подсудимую оправдают, завершил свою речь Рогальский, это вызовет протест всех трудящихся.

Наконец Жуков предоставил последнее слово подсудимой. Панина заявила, что в качестве единственного старшего служащего министерства, оставшегося на свободе после октябрьского переворота, она имела право изъять деньги для обеспечения их сохранности. Обращаясь преимущественно к солдатам, как в Трибунале, так и в зале суда, она произнесла свою вариацию на тему речи Рогальского, в которой центральное место также отводилось вопросам половой и классовой принадлежности:

“Меня лучше всего поймут солдаты. Солдаты, которые знают роль часового, знают, что часового никто не может снять с поста, кроме того, кто его поставил. Я была таким часовым при Министерстве. Меня поставил народ, и отдайте отчет, возратить деньги я могла только народу, только его законному представителю – Учредительному Собранию. Так я и сделаю”.

В этот момент самообладание, которое Паниной удавалось сохранять на протяжении всего заседания, едва ей не изменило. Дрожащим от волнения голосом она поблагодарила Иванова за сказанное в ее защиту слово, в котором было “все, что могла я желать получить за мою работу на пользу народного просвещения”. “Шумная и продолжительная орация” поглотила концовку ее речи.

Волнение и хаос продолжали царить в зале после того, как суд удалился на совещание. Комиссар Стулка поспешил следом. Рогальский требовал, чтобы ему позволили пройти к судьям: он хотел передать им какие-то дополнительные документы, но получил отказ. Бывший министр просвещения Ольденбург подошел к Рогальскому и во всеуслышание заявил: “Вы великолепно знаете, что вы лжете!” Шум не утихал и после того, как около часа спустя судьи вернулись с совещания.

Когда в зале наконец стало относительно тихо, Жуков огласил неожиданный и противоречивый приговор. Суд признал обвиняемую виновной в “противодействии народной власти” и вынес решение, что “гражданка” Панина должна оставаться в заключении до тех пор, пока не возвратит Комиссариату просвещения взятые ею деньги. Однако, “принимая во внимание прошлое обвиняемой”, Трибунал ограничил официальную меру наказания “общественным порицанием”. Столь необычный вердикт вызвал новую бурю в зале: даже немногословные протоколы процесса отмечают, что поднялся “неописуемый шум”..

Годы спустя, вспоминая этот процесс, Панина выражала благодарность за “наилегчайший из всех возможных” по тем временам приговор; однако отказ возратить деньги снова привел ее в тюремную камеру, где она чувствовала себя “запертой в ловушке без всякой надежды на спасение”. Графиня вышла на свободу 28 декабря, после того как ее петроградские друзья передали Революционному Трибуналу почти 93 000 рублей в качестве выкупа.

Интерпретации процесса

Неожиданные повороты событий и противоречивый приговор давали почву для самых разнообразных истолкований результатов процесса. В нем, как в зеркале, отразились надежды и иллюзии, которые участники и зрители еще питали в те первые дни революции.

... Много лет спустя, оглядываясь на события декабря 1917 года, сама Панина продолжала твердо верить в свой “абсолютный триумф”. В опубликованных посмертно мемуарах она вспоминает речь безвестного Иванова и доброту женщин-заключенных, с которыми она столкнулась в тюрьме, утверждая, что именно они поддержали ее веру в русский народ. Для нее, как и для других кадетов, процесс стал свидетельством провала неуклюжих и злонамеренных попыток большевиков раздуть классовую вражду, подтвердил возможность диалога и сотрудничества, вопреки классовым различиям. “Для меня эти дни остались навсегда символом открытых возможностей”.

... Один из главных участников событий откровенно признал, что процесс отнюдь не принес новому правительству успеха. В небольшой статье воспоминаний, написанной в 1927 году, Жуков отмечает, что поначалу работа Трибунала была довольно неслаженной. Он объясняет это большой поспешностью, с которой был организован революционный суд, а также враждебностью и даже ненавистью буржуазии; более того: “Мне, как председателю Революционного Трибунала, не имевшему ни малейшего опыта в судебных делах, столяру по профессии, не получившему ниоткуда никаких директив, при полном отсутствии процессуальных законов, действовавшему, только как подсказывала революционная совесть, в первое время было очень трудно ориентироваться в обстановке того времени”.

Исполненный высокого драматизма, бурных страстей и неожиданных поворотов событий процесс Паниной имел огромное, хотя и неоднозначное символическое значение. Пролетарский суд был одет в костюмы буржуазных юристов и все время путал правосудие времен Французской революции со стандартной традиционной процедурой. Образ самой Паниной неоднократно менялся: от первой женщины-министра и матери бедняков до солдата на посту и угнетателя трудящихся. Признаки классовой принадлежности, столь неоспоримо четкие в марксистской теории, утратили свою прозрачность. Панина представляла одновременно аристократию, буржуазию и интеллигенцию, была другом народа и его врагом.

Столь же непостоянными были отношения революционного суда с законностью. Совершила ли обвиняемая преступление? С точки зрения большевиков наподобие Рогальского, Панина была повинна в присвоении казенных денег и саботаже. В глазах самой графини и ее сторонников, настоящим преступлением были действия большевиков в отношении Временного правительства и

Учредительного Собрания. Вердикт суда одновременно прозвучал приговором обвиняемой и снял с нее вину.

Такую двойственность во многом можно объяснить уникальностью исторического момента, в который проходил процесс: никто не мог бы точно сказать, что именно являлось законным в то время. Иным источником неоднозначности процесса была его двойная цель. С одной стороны, он задумывался как “настоящее” судебное разбирательство, в ходе которого обвиняемую должны были приговорить к соответствующему наказанию за вполне определенное преступление.

С другой стороны, он призван был продемонстрировать новый тип правосудия России и всему миру. Похоже, что даже приблизительного плана этого процесса не было намечено заранее. По мысли организаторов действия, “справедливый” приговор должен был родиться из спонтанного взаимодействия судей и публики. Однако как раз спонтанность и импровизация и преподнесли стороне обвинителей несколько сюрпризов. Прежде всего, устроители процесса наверняка пожалели о том, что допустили сторонников обвиняемой в зал суда; в противном случае пролетарские судьи не столкнулись бы со столь подчеркнуто враждебной аудиторией с самого начала. Затем, среди зрителей не нашлось ни одного обвинителя “от народа”; вместо этого явился пламенный защитник Паниной. Сами судьи не имели никакого опыта, да и должной подготовки тоже. Наконец, оказалось, что и обвиняемая в лице Паниной была выбрана неудачно: сохраняя самообладание на протяжении всего процесса, она свела на нет все попытки судей запугать ее или заставить пойти на компромисс. Ее преступления против революции никак не удавалось выставить в таком свете, чтобы они перевесили ее заслуги в глазах публики. Тот факт, что большевики никогда позже не использовали процесс Паниной в пропагандистских целях, подчеркивает осознание ими провала всего предприятия; никто, кроме американских социалистов, не называл это дело подтверждением торжества революции.

Декабрь 1917 г. многому научил большевиков. Сопоставление процесса Паниной с более поздними показательными судами над политическими противниками советской власти показывает, что уже в 1922 году правительство основательно подготовилось к процессу над лидерами Социалистической Революционной партии: им были предъявлены вполне конкретные обвинения в преступлениях, предусмотренных действовавшим тогда уголовным кодексом. Тщательно отобранная публика усердно аплодировала обвинителям-коммунистам и освистывала защитников. Несмотря на отказ подсудимых признать свою вину, правительство широко использовало этот процесс в политико-просветительских и пропагандистских целях.

Однако суд над Паниной сыграл роковую роль в последующих политических процессах еще и потому, что создал опасный прецедент. Высказав откровенное несогласие с позицией большевиков и подтвердив, что действия, в которых ее обвиняли, были продиктованы ее убеждениями, Панина тем самым раз и навсегда определила исход всех будущих подобных процессов. В свою очередь, Трибунал, обозначив ее поступок термином “саботаж”, объявил всех политических оппонентов большевиков врагами, а любую форму протеста – предательством. Впоследствии обвинение в саботаже будет предъявлено бесчисленному количеству идеологических “врагов”, и каждый раз опорой ему будет служить формулировка, впервые прозвучавшая в процессе Паниной...

Адель Линденмейр (США)

Перевод с английского Натальи Масловой